

СЛУЧАЙ С МЕХАНИЧЕСКОЙ МАРТЫШКОЙ

На исходе прошлого столетия вокруг необычного происшествия, которое с легкой руки газетчиков обрело известность как «Жуть из Сент-Джеймского парка» или «Случай с механической мартышкой», было изломано немало копий. Даже и теперь, добрых три десятка лет спустя, эту историю еще помнит кое-кто из старожилов, хотя большинство резко сменяет тему, если завести о ней речь. При этом многие так и пребывают в неведении о характере связи — или, вернее сказать, о всяком отсутствии таковой — между коробкой, внутри которой обрелась самая обыкновенная заводная обезьяна, и той космической посудиною, что однажды поутру угодила в утиную заводь тихого парка.

Между тем мемуары профессора Лэнгдона Сент-Ива, оказавшиеся в моем распоряжении вскоре после загадочного исчезновения несчастного ученого, со всей определенностью свидетельствуют о том, что он находился в самой гуще упомянутых событий. Я готов поклясться, что принадлежавший Сент-Иву орангутан и так называемый «пришелец под покрывалом» суть одно и то же существо. Тем не менее логическая нить, которую можно бы и протянуть между этим созданием и «тварью в коробке» (эта последняя также попала мне в руки и представляет собой всего лишь заводную игрушку), остается пугающе тонкой. Фигурка под резной крышкой

шкатулки, согласно результатам бегло проведенного расследования, являлась рукотворным подобием неизвестной «ученой мартышки Моко» — дрессированной обезьяны, ездившей по стране с ярмаркой болгарских цыган и позднее ставшей героиней сонета Роберта Сервиса¹ под интригующим заглавием «Баловни судьбы в очереди за пособием». То, что деревянный примат из шкатулки оказался замешан в приключения бритого налысо орангутана Сент-Ива, стало итогом безумнейшего стечения обстоятельств и первым звеном цепи невероятных, если не нелепых, событий. Итак, перед вами вся история целиком, кое-где приукрашенная в моем стремлении к драматизму, однако в основе своей она неукоснительно следует фактам.

Профессор Лэнгдон Сент-Ив был блестящим ученым, масштаб влияния которого на исторический процесс обязательно отразят его научные труды, которым еще предстоит увидеть свет. Академия наук могла бы и сегодня оценить достижения профессора высочайшим образом, отнесись ее руководство более снисходительно к скандалу вокруг чингфордской башни и еще к паре пустычных недоразумений подобного рода, мешающих научному сообществу воспринимать эту историческую личность по достоинству, а не как пример помешательства, пусть и незаурядный.

¹ Он же «канадский Киплинг»; британский писатель и поэт (1874—1958), получивший известность как автор популярных баллад на злобу дня в подражание народному творчеству.

Толчком для развития событий в парке Сент-Джеймс послужили первые опыты Сент-Ива в области космоплавания, каковые проходили — а вернее, достигли своей кульминации — в ночь на 2 июля 1892 года. Космический аппарат Сент-Ива имел форму шара, достаточно большого, чтобы с удобством разместить внутри одного пилота. Экспериментальное судно являлось первой ласточкой в дальнейшем ряду ему подобных, и выступить его пассажиром было поручено Ньютону — дрессированному орангутану, которому, буде он воспарит в космическое пространство, предстояло всего-то, нажав в сообразном порядке несколько кнопок, запустить магнетическое реверсивное устройство и тем самым вернуть корабль на место старта. Голову обезьяне vybrили для более плотного прилегания шапки из золотой фольги: та испускала слабый электрический заряд, навевая своему носителю легкую дремоту. Тому, чтобы орангутан не буянил во время полета, придавалось огромное значение, хотя, как нам предстоит убедиться, нужного успокоительного эффекта головной убор не возымел. Кроме того, животное снабдили парой серебряных башмаков на магнетических подошвах, которые прочно удерживали нижние конечности космолетчика на палубе судна; их задачей было стеснять движения орангутана на случай, ежели тот расшалится — или же (что весьма вероятно в условиях космоса) силы притяжения Земли ослабят свою хватку.

Готовясь к полету, Сент-Ив оснастил капсулу серебристой коробочкой с пружинным механизмом, который мог регулярно выпускать наружу струи

насыщенного кислородом газа, возникавшего в результате взаимодействия концентрированного раствора хлорофилла со сжатым гелием. Данная мера позволяла поддерживать в герметично закупоренном аппарате необходимый состав атмосферы.

И вот, надежно устроив обезьяну в кресле пилота и взведя пружину шкатулки с хлорофиллом, великий ученый произвел запуск — отправил космолет в странствие с заднего двора лаборатории, которая размещалась в его харрогейтском поместье. Оттуда Сент-Ив радостно наблюдал, как сияющая штукавина уносится на юг по усыпанному звездами предрассветному небу. Но в тот момент, когда созданный им аппарат превратился, удаляясь, в далекую искру над горизонтом, профессора потрясло вдруг кошмарное осознание: он совсем позабыл своевременно пополнить кормушку орангутана! Малозначимый, казалось бы, факт, если бы не одно обстоятельство: награда в виде горсти зеленых слив, которыми смог бы полакомиться пилот, успешно нажав свои кнопки, обеспечивала успех своевременной настройки гироскопа и благополучное возвращение воздушного корабля в родную гавань. Предсказать поведение животного, оставленного, по сути, без честно заработанного угощения, не имелось никакой возможности. Исправить досадную ошибку — тоже. Мучимый тягостными раздумьями, обеспокоенный и обессиленный Сент-Ив забрался под одеяло, чтобы уснуть. В сложившейся ситуации ему оставалось лишь одно: уповать на лучшее.

За несколько недель до запуска космолета (уместность подобного отступления весьма скоро станет очевидна) в Челси раскинул свои шатры табор болгарских цыган, которые немедленно устроили распродажу чудодейственных бальзамов, целебных микстур и прочей дурно пахнущей дряни, заодно привлекая клиентов разного рода дешевыми развлечениями. В те дни, как, впрочем, и поныне, на Уайтхолл-роуд, как раз над известным в Лондоне пабом «Тени прошлого», квартировал некий Уильям Кибл — мастер-игрушечник, имевший репутацию человека крайне эксцентричного, если не сказать сумасшедшего. Он приходился недостойным уважения братом Уинифред Кибл, бывшей замужем за весьма состоятельным лордом Плейсером; эта кровная связь приносила всем одни только неприятности. Внося полную ясность, замечу, что Кибл вовсе не был обделен сестринским вниманием, зять невзлюбил его с первого взгляда. Важной персоне претило отвлекаться на причуды низкородного родственничка супруги и уж тем более — на всякие там карнавалы и бродячие цирки шапито. Однако дочь лорда Оливия², тайком покинув отчий дом, уломила дядюшку Уильяма сводить ее в цыганский табор. Раздраженный августейшим высокомерием лорда Плейсера Кибл уступил мольбам племянницы, и они вдвоем отправились на развеселую ярмарку в Челси, аттракционы которой показались им бледноватыми

² В поздних произведениях фигурирует под именем Дороти. — Прим. ред.

за исключением разве что проказ ученой обезьяны Моко. Откровенно говоря, сама Моко также не представляла собой ничего особенного: насколько мог судить Кибл, ее попросту обучили сидеть в кресле, пыхтеть сигарой и, как могло показаться, сосредоточенно изучать «Таймс»; в реальности же упомянутую газету обезьяна чаще держала перевернутой, а иногда даже жевала или с бессвязным мычанием рвала в клочья.

Сраженная обаянием мартышки, Оливия помчалась домой, чтобы упросить отца позволить ей завести ручную обезьянку, однако идея эта не только заставила всё существо лорда Плейсера вострепетать от ужаса и отвращения, но и вынудила сего достойного джентльмена громогласно проклясть шурина и всё с ним связанное. Лорду совершенно не пришлось по душе тот эффект, который возымело на его дочь посещение ярмарки. Оливия же, чьи надежды оказались столь бездушно растоптаны, поделилась своими горестями с дядюшкой Уильямом, который, сознавая, что подарок в виде живой обезьяны породит конфликты, о глубине коих он не смел и помыслить, не усмотрел особого вреда в том, чтобы смастерить обезьяну игрушечную.

Со всем рвением умелого ремесленника Кибл взялся за дело и считанные недели спустя изготовил заводную механическую забаву по примеру «чертика из табакерки». Она представляла собой серебряную шкатулку, украшенную рельефными сценками из цирковой жизни; при взведении пружины шкатулка эта являла взору забавную обезьянку в наряде китайского мандарина — та выскакивала из-под

крышки, вращая глазами и истошно декламируя какой-либо стишок. Уильям Кибл был чрезвычайно доволен результатом своих трудов, но подозревал, что явиться к сестре с таким скандальным подношением было бы сущим безрассудством, учитывая стойкое отвращение ее супруга лорда Плейсера к подобным вещцам. Выход был найден в лице обитавшего ниже этажом паренька, некоего Джека Оулсби, который всегда был не прочь заработать шиллинг-другой. И ранним утром дня, ознаменованного запуском летательного аппарата профессора Сент-Ива, Кибл послал за Оулсби и, обернув шкатулку бумагой и приложив к ней нацарапанную впопыхах записку, выгнал обогатившегося на два шиллинга и шесть пенсов Джека на холод, наказав доставить подарок по назначению. Кибл, стремясь поскорее закончить поделку, усердно работал всю ночь и лишь теперь устало забрался в постель — надо полагать, примерно в тот момент, когда аналогично поступил и Лэнгдон Сент-Ив, осуществивший запуск своего космолета.

Рассвет того же дня в Сент-Джеймском парке встречала престранная троица: два малоимущих джентльмена, чья неуклюжесть выдавала в них списанных на берег морских волков, а также сутулый старик в желтой рабочей кепке, имевший некое отношение к складным стульям, расставленным на парковых лужайках. Во всяком случае, показания только этих троих сохранились в официальных отчетах о происшествии. Как сообщала «Таймс», около

семи часов утра все трое стали свидетелями того, как в небе над парком появилась, по выражению кого-то из них, «огромная пылающая штукуенция, прям как чертова огненная башка». Довольно меткое, к слову, описание космического аппарата Сент-Ива, который, сбившись с курса, с плеском рухнул в южную часть пруда, устроенного в парке на радость уткам.

Сам по себе визит серебряного шара из космических глубин вполне мог бы разогнать любую праздную толпу, отправив зевак с воплями метаться по городским улицам, но для троицы, встретившей в парке рассвет, это явление показалось сущим пустяком. Их невозмутимость была поколеблена только тогда, когда из распахнувшегося от удара о водную гладь люка наружу стремглав вылетела неземного вида тварь — заросшее мехом существо, чью лысую макушку кокетливо прикрывал золотистый дурацкий колпак прискорбно малого размера. Позднее один из свидетелей этого, джентльмен по фамилии Хорнби, лепетал какую-то чушь о горящих ходулях, но двое остальных сразу в один голос объявили, что на ногах у виденного ими существа были высокие серебристые ботинки, — и все втроем уверяли, будто бы, улепетывая к Вестминстеру, космический гость бережно качал в простертых перед грудью ладонях «адскую машинку» самого зловещего вида.

Тут же, разумеется, поднялись несусветные шум и гам, привлекшие в парк двоих констеблей и стайку сонных взъерошенных конных гвардейцев, которые принялись с сомнением на лицах разъезжать по лужайкам под жалобные причитания упомянутых

джентльменов, в то время как бедолага Ньютон (сбитый с толку и проголодавшийся орангутан Сент-Ива) исчезал в городских закоулках. Не минуло и получаса, как на месте происшествия объявились по меньшей мере трое репортеров, вскорости бросившихся назад в редакции, дабы принести миру весть о сфере инопланетного происхождения, прибывшем со звезд чуде и о невиданном, наверняка смертоносном, устройстве, зажатом у того в лапах.

Как и предвидел профессор, где-то в небе над Йоркширом Ньютон не вытерпел и принялся буяннить. Это лишь домыслы, оговорюсь, однако логика твердо указывает на проблему с электрической шапкой на выбритой голове обезьяны: устройство то ли вовсе перестало испускать токи, то ли частично, но Ньютон учинил свой дебош уже спустя десяток минут после отрыва космолета от земли. К тому же утру относятся, между прочим, и рассказы очевидцев, описавших хаотичные метания сверкающего шара в небесах над деревушкой Лонг-Беннингтон — разъяренный Ньютон, по-видимому, беспорядочно дергал рычаги управления капсулой. Нам остается предположить, что вышедший из сонливости орангутан, оставшись без присмотра и угощения, устроил форменный бунт и принялся нажимать все кнопки, до каких только мог дотянуться. Однако то, что Ньютон далеко не сразу впал в неистовство, указывает на высокую степень его веры в добрую волю Сент-Ива. В своих записях профессор упоминает, что в итоге вся панель управления капсулой обратилась в груды обломков, а поддерживавшая атмосферный баланс коробочка с хлорофиллом оказалась

с мясом выдрана из внутренней обшивки. Подобные разрушения никак не могли возникнуть ранее, чем аппарат объявился у границ Лондона; скорее всего, орангутан перешел к финальному этапу бесчинств где-то над полями у Саут-Миммса, чьи жители могли наблюдать, как летящий в сторону столицы сияющий шар резко теряет высоту.

Хотя животное довольно быстро разорило всю систему управления судном, первые же «сливовые» кнопки активировали (на счастье бестолкового космолетчика) гироскоп устройства самонаведения, выводя сферу на обратный курс. Если, успокоившись на достигнутом, орангутан воздержался бы в тот момент от дальнейшего разгрома, его ждала бы, по всей вероятности, мягкая посадка в Харрогейте, прямо за лабораторией Сент-Ива. Вышло иначе: возвратной тяги аппарата хватило лишь на то, чтобы обеспечить не посадку в прямом смысле слова, но «мягкое» крушение в весьма подходящем месте, ибо лишь благодаря водяной подушке бедняга Ньютон не лишился жизни.

Джек Оулсби между тем бежал себе вдоль Уайтхолл-роуд, сжимая в руках шкатулку с механической мартышкой Кибла и сладко предвкушая встречу с племянницей мастера-игрушечника, на которую ему и прежде доводилось заглядываться. По природе своей Джек был обладателем качеств скорее положительных, в чем мы со всей очевидностью удостоверимся позже; некоторое время тому назад случай даже свел его с Лэнгдоном Сент-Ивом, заставив

принять живое участие в очередной научной авантюре этого знаменитого ученого. Так или иначе, подгоняемый чувством долга и предвосхищением первого в своей жизни разговора с Оливией, паренек минут пять бодро топал по улице, пока не сообразил, что едва ли уместно ломиться в двери лорда Плейсера в столь неурочный утренний час. Куда разумнее, решил Джек, будет обойти площадь и по проспекту Мэлл добраться до парка, прогулка в котором поможет убить медленно тянущееся время. Некий переполох вдалеке и топот бегущих ног, естественно, смешали планы юного посыльного, и он, как и любой другой на его месте, поспешил перебежать на другую сторону проспекта, не подозревая о приближении солидных размеров экипажа, как раз набравшего скорость по правую руку от него. Крякнул клаксон; Джек, нежно прижимавший к груди свой сверток, прибавил шагу и, обогнув экипаж, влетел прямо под колеса катившему еще правее брогаму. Тот налетел на паренька подобно локомотиву скоростного поезда; возница успел лишь громко выругаться и всплеснуть руками.

Короче говоря, подарок Кибла (предназначенный вовсе не Джеку) вылетел из рук парнишки, описал широкую дугу и, кувыркаясь, исчез в зарослях паркового кустарника, оставшись незамеченным случайными прохожими, которые без промедления поспешили, как и подобало, на выручку несчастному.

Юный Оулсби был сбит с ног и упал на мостовую, но быстро пришел в сознание: пусть без ушибов и не обошлось, он всё же не получил серьезных увечий. Постигшее Джека бедствие не было, впрочем,